

Н. Н. Кожевников

Влияние поэтического восприятия мира на его философское осмысление

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Рассмотрен тезис М. Хайдеггера о том, что поэты, а не ученые или политики, находятся в авангарде человечества. Поскольку поэзия играет важнейшую роль в истории человечества – рассмотрены доводы «за» и «против». Еще Античностью были продемонстрированы выдающиеся образцы поэтического творчества и попытки осмыслить его методами филологии и философии. Например, у Аристотеля были специальные труды, посвященные этой проблеме. В Новое время каждое литературное направление провозглашало свои манифесты, которые рассмотрены для романтизма, символизма, акмеизма. Поэзия традиционно тесно связано с философией. Были поэты, тяготеющие к философии и философы поэтической ориентации. К первым можно отнести Новалиса, ко вторым – Фихте и Шеллинга. Это характерно, прежде всего, для эпохи романтизма, в меньшей степени для символизма и некоторых других направлений. В статье показано как в поэтическом творчестве нарастает стремление к равновесиям и их пределам. Намечены основные контуры методологии исследования поэтической мысли. Её ядром является формирование квазиравновесной ячейки, позволяющей обеспечить взаимодействие поэтического произведения с предельными динамическими равновесиями процесса познания. Их обеспечивают идентификация, коммуникация и ритмизация – элементарные процессы самоорганизации, которые шаг за шагом формируют свои феномены, горизонты и опорные ритмы, образующие эти ячейки. Формирование феноменальных границ происходит на основе меток идентификации, которые могут выплывать из памяти, как элементы или структуры знания, приобретенные давно или по другим поводам и до сих пор не нашедшие применения. С утверждением об авангардной роли поэта можно согласиться только частично. Роль поэта и поэтически мыслящего философа огромна и в ряде случаев действительно может быть решающей. Однако для этого должно быть определенное стечение обстоятельств. В других ситуациях на первый план выходит ученый или философ. В XX и XXI вв. многие тенденции и подходы смешались и в каждом конкретном случае требуются дополнительные исследования.

Ключевые слова: поэтическое произведение, философия, феномен, горизонт, опорный ритм, идентификация, методология, романтизм, символизм, акмеизм.

N. N. Kozhevnikov

The influence of the poetic perception of the world on its philosophical understanding

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The Martin Heidegger's thesis that poets, not scholars or politicians, are at the forefront of humanity is considered. Since poetry plays an important role in the history of mankind, the arguments "for" and "against" are considered. Even the Antiquity demonstrated outstanding examples of poetic creativity and attempts to comprehend it using the methods of philology and philosophy. For example, Aristotle had

КОЖЕВНИКОВ Николай Николаевич – д. филос. н., профессор кафедры философии, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail: nnkozhev@mail.ru

KOZHEVNIKOV Nikolay N. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Philosophy, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

special works devoted to this problem. In modern times, each literary movement proclaimed its manifestos, which are considered for romanticism, symbolism, and acmeism. Poetry is traditionally closely related to philosophy. There were poets gravitating towards philosophy and philosophers of a poetic orientation. The former includes Novalis, the latter – Fichte and Schelling. This is typical, first of all, for the era of romanticism, to a lesser extent for symbolism and some other trends. The article shows how the desire for balances and their limits is growing in poetic creativity. The main contours of the methodology for the study of poetic thought are outlined. Its core is the formation of a quasi-equilibrium cell, which makes it possible to ensure the interaction of a poetic work with the limiting dynamic equilibria of the cognition process. They are provided by identification, communication and rhythmization, the elementary processes of self-organization, which step by step form their phenomena, horizons and basic rhythms that form these cells. The formation of phenomenal boundaries occurs on the basis of identification marks that can emerge from memory as elements or structures of knowledge acquired long ago or for other reasons and have not yet found application. One can only partially agree with the statement about the avant-garde role of the poet. The role of the poet and the poetically thinking philosopher is enormous and in some cases can really be decisive. However, there must be a certain set of circumstances for this to happen. In other situations, the scientist or philosopher comes to the fore. In the XX and XXI centuries. many trends and approaches have been mixed and more research is required in each case.

Keywords: poetic work, philosophy, phenomenon, horizon, reference rhythm, identification, methodology, romanticism, symbolism, acmeism.

Введение

М. Хайдеггер исключительно высоко оценивает поэзию, слово. Язык является домом человека, а поэзия – нашим творческим воссозданием и актуализацией. Обеднение языка, выражающееся в пустых разговорах, клише, болтовне и бранных словах, показывает обеднение сущности человека. «Согласно Хайдеггеру, поэты, а не ученые или политики, находятся в авангарде человечества! Поэты и поэтические мыслящие философы – вот выразители скрытой и загадочной сущности человека» [1, с. 757]. «Мысль... просто относит к бытию то, что дано ей самим бытием. Отношение это состоит в том, что мысль дает бытию слово. Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты – хранители этого жилища» [2, с. 192].

В связи с вышеизложенным возникает несколько фундаментальных вопросов. С одной стороны, они опираются на концепцию Хайдеггера, вовлекая её в перекрестное обсуждение. В какие сферы может проникнуть мысль поэта и поэтически мыслящих философов? Каковы механизмы подобного проникновения? В чем недостатки рационального постижения действительности, на которое опирается ученый? С другой стороны, авторитетные авторы писали, что поэты написали много глупостей, а их жизнь часто представляет череду скандалов, трагедий, двусмысленных поступков, преступлений и далека от соответствия идеалам, к которым устремлены их творения. Хотя, несомненно, были среди них великие герои, пророки, гуру. Поэты обычно находились в центре внимания современников и потомков, им посвящена огромная литература, творчество тщательно исследовано, хотя значительное количество жгучих тайн, связанных с их творчеством все равно остается. Проблема осложняется тем, что к их жизнеописаниям приложили руку друзья, враги, идеологические противники, которые хотели либо возвысить, либо оклеветать поэтов ради того, чтобы представить в лучшем свете самих себя.

Можно только удивляться, каким в России во времена революции, а затем первой оттепели, был интерес к поэзии. Начиная с 1918-1919 г., затем в начале 20-х гг., огромные залы Петербурга, Москвы заполняли солдаты, матросы, простые граждане, интеллигенция, часто приходившие издалека, в мороз, в дождь для того, чтобы послушать известных поэтов. Перед ними охотно выступали А. Блок, Н. Гумилев, В. Маяковский и многие другие. Аналогичная ситуация повторилась в конце 50-х годов, в годы «первой оттепели», когда поэты

выступали на площадях, стадионах, в Политехническом музее Москвы. Сколько было споров, как ждали новые стихи Е. Евтушенко, Р. Рождественского, А. Вознесенского и других. Вряд ли это можно объяснить тягой к одной поэзии – она заменяла и религию (сразу после революции) и философию (в середине XX столетия). В ней пытались найти ответы на насущные проблемы современности, смысл жизни, тайны бытия и т.п.

Исходные понятия и методология исследований

Будем называть вещь отдельное поэтическое произведение. Вещь – это традиционное используемое в философии онтологическое понятие, тогда как субъект, объект, предмет и многие другие понятия – гносеологические. В расширенном смысле будем использовать этот термин для обозначения творчества поэта в целом или его подсистему. Рассмотрим взаимодействия вещи с тремя сферами: окружающей средой, уровнем структурной организации мира, областью знаков. Окружающая среда представляет собой совокупность индивидов, познающих мир посредством деятельности и общения благодаря синтезу различных видов опыта. Через взаимодействие вещи (поэтического произведения) со структурами познания этих индивидов определяется его сущность. Уровни структурной организации мира соответствуют определенным сущим мирам души, духа (духовно-исторический уровень) и их фундаментальным подсистемам, каждая из которых имеет своё сущее. Область знаков или знаково-символических систем соответствует сфере бытия. Это то, что, прежде всего, доступно при восприятии стихотворного произведения, посредством чего оно бытийствует. Стихотворное произведение различным образом взаимодействует с перечисленными выше сферами и мирами. В мире души на первый план выходит эмоциональная деятельность и общение, чувственный анализ. В мире духа усиливаются составляющие сознания, творческой деятельности.

Все вещи стремятся к своим предельным равновесиям, поскольку эти состояния наиболее устойчивы, но не достигают их вследствие противодействий сфер среды, уровня, знаков. Механизмом способным обеспечить взаимодействие вещи (поэтического произведения) с предельными равновесиями является квазистатическая ячейка, составленная из феномена, горизонта, опорного ритма вещи, которые являются её феноменальными границами. Феномен – это граница вещи, составленная из соответствующих меток (наиболее ярких характеристик взаимодействия вещи) и являющаяся набором меток идентификации. С каждой новой меткой эта феноменальная граница вещи становится все более полной. Горизонты и опорные являются аналогичными феноменальными границами, составленными из своих соответствующих меток.

Все эти метки возникают в результате элементарных актов самоорганизации, которыми являются идентификация для феномена, коммуникация – для горизонта, ритмизация – для опорного ритма. Квазиравновесную ячейку можно рассмотреть и по сферам (окружающая среда, уровень организации мира, область знаков), которым соответствуют свои наборы феноменов, горизонтов, опорных ритмов. Горизонты посредством коммуникации захватывают новые элементы информации, различных видов опыта (чувств, впечатлений, озарений), знаково-символических систем и поставляют их для идентификации. Процесс ритмизации стремится гармонизировать взаимодействия между идентификацией и коммуникацией. Опорный ритм обеспечивает гармонию между феноменом и горизонтом, обеспечивает их соразмерность. Самоорганизация процессов познания протекает быстро и эффективно, когда она опирается на метки соответствующего блока знания, а также на элементарные процессы самоорганизации, обеспечивающие её устойчивость (идентификацию, коммуникацию, ритмизацию).

Методология исследования сводится к тому, что идентификация, коммуникация, ритмизация рассматриваются как элементарные процессы самоорганизации, обеспечивающие взаимодействие поэтического произведения с указанными выше сферами. Эволюция этих взаимодействий происходит последовательно шаг за шагом. Изменения могут совершаться для одной, двух или трех из этих сфер, каждое из них может стать начальным в этом процессе и оказывать воздействие на все остальные. Феномен, горизонт, опорный ритм – вещи, образующие квазистатическую ячейку, необходимую для взаимосвязи вещи с её предельными динамическими равновесиями, являются результатом таких элементарных процессов.

Поэтические манифесты в контексте предельных динамических равновесий процессов познания

Рассмотрим наиболее важные вехи истории литературы, начиная с эпохи Просвещения, выделив романтизм, символизм, акмеизм, как наиболее соответствующие предмету наших исследований. Во многих других направлениях поэтических знаков и символов гораздо меньше. В XVIII – XX столетиях среди литературных течений большое значение имели также сентиментализм, реализм, натурализм, но их знаки и символы больше соответствуют прозе, а не поэзии. Общую идею, которая была бы созвучна всем этим направлениям можно найти в известном высказывании И. Гете: «Чем несоизмеримее и для ума недостижимее данное поэтическое произведение, тем оно прекраснее» [3].

Романтизм стремился понимать жизнь как непрерывное творческое движение. Художник, поэт преобразуют реальный мир в мир высшей реальности – истинной и прекрасной, потому что только они способны понять её сокровенную сущность, ценность и глубинные смыслы. Энтузиазм поэта опирается на могущество свободного человеческого духа, который способен устранить из жизни все имеющиеся противоречия. Философия романтизма начинается с Ж. Руссо, хотя его предшественником можно считать и Б. Паскаля с его знаменитым «Сердце имеет свои основания, которые недоступны разуму» [4, с. 186]. Руссо также призывал к сердцу, что в его время часто сводилось к чувствительности и свободе. «Пока я действую свободно, я добр и делаю только добро, но как только я чувствую иго – будь то иго необходимости или иго людей, – я становлюсь мятежным или, скорее строптивым, и тогда я – ничто» [5, с. 632]. Как отмечал Ф. Шлегель «Романтическая поэзия есть прогрессивная универсальная поэзия, она должна то смешивать, то растворять друг в друге поэзию и прозу, гениальность и критику, искусственную поэзию и поэзию природы» [6, с. 172]. Новалис перекидывает мосты от поэзии к философии. «Либо природа должна нести в себе идею, либо душа должна нести в себе природу... Поэт навеки остается истинным. Он пребывает в коловращениях природы. Философия же подвержена изменениям, в то время как все вокруг пребывает. Сущее можно представить только через изменчивое. Изменчивое – только через пребывающее, целостное мгновение. Прошлое и настоящее суть только знаки природы. Только она одна – реальность» [7, с. 56]

Через творчески активную природу романтизм связан с классической немецкой философией, прежде всего с идеями Ф. Шеллинга, который рассматривал природу как непрерывное творчество. Природа находится в непрерывном труде, творчестве. «Все то, что разум познает как вечное следствие божественной сущности, содержится в природе не только как отпечаток, но и во всей своей действительной истории. Природа не просто продукт непостижимого творения, но само это творение; не только явление или откровение вечного, но одновременно и само это вечное» [8, с. 50-51]. Шеллинг считал природу окаменевшим разумом и духом, которая обладает огромной мощью. Николай Гартман так обобщил шеллингианскую философию природы. «В природе есть общая организация, но

организация немислима без продуктивной силы. Такая сила, в свою очередь, нуждается в организационном начале, которое не может быть слепым, оно должно, будучи созданным целенаправленно, вести к цели, содержащейся в её творениях» [9, с. 46]. В России ярким представителем романтизма был В. А. Жуковский. Значительную дань этому направлению в своем творчестве отдали А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов.

Анализируя приведенные выше высказывания философов и поэтов можно сделать ряд выводов. Творения поэта – это неизменяющаяся истинность в отличие от философии и науки, где очень многое устарело и может быть использовано только в контексте определенной эпохи. Лучшие представители «Штурма и натиска» (авангардное течение романтизма) считали классическим идеалом равновесие, меру, предельность. Однако эти идеалы стали основанием и Нового искусства (романтизма, акмеизма), которое согласно Д. М. Мережковскому, опирается также на мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности. И осознать все это, как было показано и многими другими мыслителями, может, прежде всего, гениальный поэт – пророк и мифотворец.

То, что многие представители Нового искусства пытаются опираться на равновесие и предельность открывает широкие перспективы для рассмотрения поэтического с точки зрения предельных динамических равновесий, которые являются наиболее устойчивыми и неизменными для всех творческих процессов. И возможно, что поэтам действительно лучше всего удавалось прочувствовать эти равновесия и в определенной мере их осознать.

Символизм. К. Д. Бальмонт в своей статье «Элементарные слова о символической поэзии» отмечал, что «...реалисты всегда являются простыми наблюдателями, символисты – всегда – мыслители. Реалисты схвачены, как прибором, конкретной жизнью, за которой они не видят ничего, – символисты, отрешенные от реальной действительности, видят в ней только свою мечту...Один еще в рабстве у материи, другой ушел в сферу идеальности...Как определить символическую поэзию? Это поэзия, в которой органически, не насильственно, сливаются два содержания: скрытая отвлеченность и очевидная красота» [10, с. 273]. Эту концепцию развивает В. Я. Брюсов в эссе «Ключи тайн». «Глаз обманывает нас, приписывая свойства солнечного луча цветку, на который мы смотрим. Ухо обманывает нас, считая колебания воздуха свойством звенящего колокольчика. Все наше сознание обманывает нас, перенося свои свойства, условия своей деятельности, на внешние предметы... Мысль, а, следовательно, и наука бессильны разоблачить эту ложь» [11, с. 45]. «У Ибсена в «Норе» есть характерная подробность: во время важного для всей драмы диалога двух действующих лиц входит служанка и вносит лампу. Сразу в освещенной комнате тон разговора меняется...Смена физической темноты и света действует на наш внутренний мир. Под реалистической подробностью скрывается художественный символ... Мысль изреченная есть ложь. В поэзии то, что не сказано и мерцает сквозь красоту символа, действует сильнее на сердце, чем то, что выражено словами» [12].

Акмеизм наоборот призывал обратиться к конкретному, совершенному, историческим событиям. «На смену символизму идет новое направление, как бы оно не называлось, акмеизм ли (от слова акме – высшая степень чего-либо, цвет, цветущая пора) или адамизм (мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь), во всяком случае, требующее большего равновесия сил и более точного знания отношений между субъектом и объектом, чем, то было в символизме...Слава предков обязывает, а символизм был достойным отцом... Русский символизм направил свои главные силы в область неведомого. Попеременно он брался то с мистикой, то с теософией, то с оккультизмом... Всегда помнить о непознаваемом, но не оскорблять своей мысли о нем более или менее вероятными догадками – вот принцип акмеизма... Разумеется познание бога, прекрасная дама Теология, останется на своем престоле, но ни её низводить до степени литературы, ни литературу поднимать

в её алмазный холод акмеисты не хотят» [13, с. 86]. С. М. Городецкий в статье «Некоторые течения в современной русской поэзии» пишет: «Символисты сознательно поставили себе целью пользоваться, главным образом, этой текучестью, усиливать её всеми мерами и тем самым нарушили царственную прерогативу искусства – быть спокойным во всех положениях и при всех методах» [10, с. 470]. А М. А. Кузмин в очерке «О прекрасной ясности» отмечает – «Если вы совестливый художник, мылитесь, чтобы ваш хаос (если вы хаотичны) просветился и устроился или покуда сдерживайте его ясной формой... будьте экономны в средствах и скупы в словах, точны и подлинны, – и вы найдете секрет дивной вещи – прекрасной ясности, – которую назвал бы я кларизмом» [Там же, с. 474].

Здесь наглядно продемонстрировано как нарастает стремление к равновесиям, которые становятся опорой целых направлений и методологических подходов. Последние в поэзии называются поэтическим мастерством, которому специально обучают. Н. С. Гумилев на своих лекциях и практических занятиях, которым он уделял много внимания говорил: «Без изучения поэзии нельзя писать стихи. Надо учиться писать стихи. Так же долго и усердно, как играть на рояле» [14, с. 33].

Анализ поэтического творчества с точки зрения его самоорганизации

Проведем этот анализ в контексте поставленных выше вопросов. Мысль поэта и поэтически мыслящих философов может проникнуть во все сферы, с которыми взаимодействует поэтическое произведение. Взаимодействия с окружающей средой разработаны лирикой, гражданственностью, социальностью. Взаимодействие с уровнем структурного равновесия – обращением к Богу, Природе как Единому Целому, Мировой Душе. Сфера знаков представлена различного рода ритмами: внешними, внутренними, восходящими к мировой гармонии. Это стихотворный размер, стиль, архитекtonика и все связанное с ними.

Методология поэтической мысли ориентирована на формирование квазиравновесной ячейки, позволяющей обеспечить взаимодействие поэтического произведения с предельными динамическими равновесиями процесса познания. Механизмы формирования подобных ячеек одинаковы во всех отмеченных выше сферах. Их обеспечивают идентификация, коммуникация и ритмизация – элементарные процессы самоорганизации, которые шаг за шагом формируют свои феномены, горизонты и опорные ритмы, образующие эти ячейки. Формирование феноменальных границ на основе меток идентификации, начинается в поэтическом творчестве, например, со сведений об авторе, «пред-знания, предрассудков», структуры пред-понимания [15, с. 317], неявного знания и т.п. Эти метки могут выплывать из памяти, как элементы или структуры знания, приобретенные давно или по другим поводам и до сих пор не нашедших применения. «Поэты говорят обыкновенно об одном из трех: или о страдании, или о смерти, или о красоте... Но всего любопытнее проявление в поэзии идеи красоты» [16, с. 528-529]. То есть в центре их внимания пределы, к которым устремляются жизнь, душа, дух.

Механизмы формирования меток могут быть инициированы извне, когда они формируется с помощью окружающей среды (традиции общества, менталитет его индивидов), уровня структурной организации мира, области знаков. Внутренние механизмы формирования меток обусловлены процессами, берущими начало изнутри познающего индивида, творческого начала – поэтического, философского, а также научного. Все эти процессы взаимодействия происходят между личностью и внешними по отношению к ней средами.

Горизонт и опорный ритм также, как феномен могут быть заданы в результате внешних или внутренних взаимодействий. В их формировании также могут принимать участие «пред-знания, предрассудки» и т. п. В результате появления идентификационных меток феноменальная граница горизонта, пролагаемая среди элементов знания, опыта, деятельности начинает значительно сужаться. Вместо сплошной монолитной границы горизонт

становится прерывистым избирательным. В результате взаимодействий между ним и феноменом элементы, структуры знания, действия, общения привязываются к соответствующим меткам.

Можно отметить также, что при анализе поэтического творчества часто происходит злоупотребление образом поэта. «Удвоенная избыточность художника – перед лицом и действительности и искусства – источник порождения все новых мифов и одновременно их принципиальной неполноты» [17]. Суммируя вышесказанное можно отметить, что поэтическое постижение мира наряду с явными достоинствами имеет и серьезные недостатки. Оно расплывчатое, качественное и лишь односторонне может обеспечить авангардное познание мира. Здесь уместно обратиться к гуманитарной трактовке принципа дополнительности: «Мир богаче, чем это можно выразить на одном языке». Недостатки рационального постижения реальности, на которые опираются ученый, аналитический и логический философ аналогичны. Они выдвигают на первый план свои характерные черты, метки и пытаются их абсолютизировать. В современных условиях следует ориентироваться на синтез всех этих подходов.

Выводы

Помимо акцентов Хайдеггера на значении поэтов и философов с поэтическим складом мышления для развития человечества следует упомянуть И. Р. Пригожина, который пишет о необходимости для ученого поэтически прислушиваться к природе [18]. Здесь речь также идет о чем-то близком к феноменальным меткам. Совершенно неважно кто их ставит: ученый, философ, религиозный пророк или поэт. Скорее всего, подходы этих мыслителей должны дополнять друг друга, связывая феномены, сформированные взаимодействиями с окружающей средой, уровнем структурного равновесия мира, областью знаков. Метки на феноменальной границе вещи могут иметь самое разное происхождение: поэтическое, рациональное, религиозное и т.п. Главное, чтобы это была яркая характерная черта, способная соответствовать целому блоку знания, действия, общения.

Таким образом, с категоричным утверждением Хайдеггера об авангардной роли поэта можно согласиться только частично. Мы убедились в настоящей работе, что роль поэта и поэтически мыслящего философа огромна и в ряде случаев действительно может быть решающей. Однако для этого должно быть определенное стечение обстоятельств. В других ситуациях на первый план выходит ученый или философ. В эпоху Просвещения поэт и поэтически мыслящий философ были впереди других мыслителей. В XIX веке эта авангардная роль перешла к ученому. В XX в. и в нынешнем столетии многие тенденции и подходы в теории познания, анализе творческих процессов переплелись, смешались, и в каждом конкретном случае поставленные выше вопросы требуют дополнительного исследования.

Литература

1. Скирбекк, Г. История философии / Г. Скирбекк, П. Гилье. Пер. с англ. – Москва : ВЛАДОС, 2001. – 800 с.
2. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме в кн. Время и бытие / М. Хайдеггер. Пер. с нем. – Москва: Республика, 1993. – С. 192-220.
3. Эккерман, И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни / И. П. Эккерман. Пер. с нем. – Москва : Художественная литература, 1981. – 687 с.
4. Рассел, Б. История западной философии в 2 т. Т. 2 / Б. Рассел. Пер. с англ. – Новосибирск: Изд. Новосибирского университета, 1994. – 400 с.
5. Руссо, Ж.-Ж. Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя / Ж.-Ж. Руссо. Сб.: пер. с фран. – Москва : Пушкинская библиотека, Издательство «АСТ», 2004. – 884 с.
6. Шлегель, Ф. Литературная теория немецкого романтизма. Пер. с нем. / Ф. Шлегель. – Ленинград, 1934. – С. 172.

7. Зарубежная литература XIX века. Романтизм. Хрестоматия – Москва : Просвещение, 1976. – 512 с.
8. Шеллинг, Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. Пер. с нем. / Ф. Шеллинг. – Москва : Мысль, 1989. – 636 с.
9. Реале, Дж. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4 От романтизма до наших дней. / Дж. Реале, Д. Антисери. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1997. – 880 с.
10. Трифонов, И. А. Русская литература XX столетия. Дооктябрьский период. Хрестоматия / И. А. Трифонов. – Москва : Просвещение, 1980. – 640 с.
11. Брюсов, В. Я. Ключи тайн. В кн.: От символизма до Октября / В. Я. Брюсов. – Москва, 1924. – С. 45-47.
12. Мережковский, Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы / Д. С. Мережковский. – Санкт-Петербург : Наука, 2007.
13. Гумилев, Н. С. Наследие символизма и акмеизм. В кн.: От символизма до Октября / Н. С. Гумилев. – Москва, 1924. – С. 86-89.
14. Одоевцева, И. В. На берегах Невы. Литературные мемуары / И. В. Одоевцева. – Москва : Художественная литература, 1989. – 334 с.
15. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. Пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер. – Москва : Прогресс, 1988. – 704 с.
16. Анненский, И. Избранные произведения / И. Анненский. – Ленинград: Художественная литература, 1988. – 736 с.
17. Захарченко, Е.Г. Поэт и образ поэта. XIX век. В кн. «От философии жизни к философии культуры / Е. Г. Захарченко. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – С. 238-257.
18. Пригожин, И.Р. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. Пер. с англ. / И. Р. Пригожин. – Москва : Наука, 1985. – 328 с.

References

1. Skirbekk G., Gil'e P. Istorija filosofii. Per. s angl. – М.: VLADOS, 2001, 800 s.
2. Hajdegger M. Pis'mo o gumanizme v kn. Vremja i bytie. Per. s nem. – М.: Respublika, 1993 – S. 192-220.
3. Jekkerman I.P. Razgovory s Gete v poslednie gody ego zhizni. Per. s nem. – М.: Hudozhestvennaja literatura, 1981, 687 s.
4. Rassel B. Istorija zapadnoj filosofii v 2 t. T. 2 Per. s angl. – Novosibirsk: Izd. Novosibirskogo universiteta, 1994 – 400 s.
5. Russo Zh.-Zh. Ispoved'. Progulki odinokogo mechtatelja. Sb.: Per. s fran. – М.: Pushkinskaja biblioteka, Izdatel'stvo «AST», 2004 – 884 s.
6. Shlegel' F. Literaturnaja teorija nemeckogo romantizma. Per. s nem. – L., 1934 S. 172
7. Zarubezhnaja literatura XIX veka. Romantizm. Hrestomatija – М.: Prosveshhenie, 1976 – 512 s.
8. Shelling F. Sochinenija v 2 t. T. 2. Per. s nem. – М.: Mysl', 1989 – 636 s.
9. Reale Dzh., Antiseri D. Zapadnaja filosofija ot istokov do nashih dnei. T. 4 Ot romantizma do nashih dnei – SPb.: Petropolis, 1997 – 880 s.
10. Trifonov I.A. Russkaja literatura HH stoletija. Dooktjabr'skij period. Hrestomatija – М.: Prosveshhenie, 1980 – 640 s.
11. Brjusov V.Ja. Kljuchi tajn. V kn.: Ot simvolizma do Oktjabrja – М.: 1924 – S. 45-47.
12. Merezhkovskij D.S. O prichinah upadka i o novyh techenijah sovremennoj russkoj literatury –SPb.: Nauka, 2007.
13. Gumilev N.S. Nasledie simvolizma i akmeizm. V kn.: Ot simvolizma do Oktjabrja – М.: 1924 – S. 86-89.
14. Odoevceva I.V. Na beregah Nevy. Literaturnye memuary – М.: Hudozhestvennaja literatura, 1989 – 334 s.
15. Gadamer H.-G. Istina i metod. Osnovy filosofskoj germenevtiki. Per. s nem. – М.: Progress, 1988 – 704 s.
16. Annenskij I. Izbrannye proizvedenija – L.: Hudozhestvennaja literatura, 1988 – 736 s.
17. Zaharchenko E.G. Pojet i obraz pojeta. XIX vek. V kn. «Ot filosofii zhizni k filosofii kul'tury – SPb.: Aletejjja, 2001 – S. 238-257.
18. Prigozhin I.R. Ot sushhestvujushhego k vznikajushhemu. Vremja i slozhnost' v fizicheskikh naukah. Per. s angl. – М.: Nauka, 1985 – 328 s.